

Факт, что на улице Московской в нашем городе жил когда-то Володя Ульянов, уже не вызывает больших эмоций даже у почитателей его личности. Это вполне объяснимо: то, что хорошо известно, становится до боли скучным. Тех, кто хочет подробнее узнать, кто ещё кроме вождя жил на Московской, Иван Сивопляс приглашает погулять по этой улице вместе с ним: краевед продолжает рассказывать о её обитателях и домах.

Губернская типография

В июле 1918 года, собираясь покорить «красный» Симбирск, белые чехи и белогвардейцы подвергли город артиллерийскому обстрелу. Один из снарядов воткнулся в иконостас церкви при мужской гимназии, в щепы расколов образ Казанской иконы Божьей Матери, другой – шарахнул в здание Губернской типографии на Московской (ныне Ленина) улице.

Говорят, что след того попадания можно до сих пор различить среди других шербин и трещин на старом кирпиче... Не то чтобы белые пытались пушками совладать с религией и печатным словом: снаряд – дурак, летит куда не попадая.

Старейшая в Поволжье казённая Симбирская Губернская типография с 1906 года арендовала двухэтажный дом, принадлежавший фабриканту, почётному гражданину Александру Александровичу Сачкову, прославленному среди прочего покупкою первого в губернии автомобиля! В доме на Московской стояли 6 типографских, 3 литографских, 9 переплётно-брошюровочных и 1 линовальная машины. Одна из них, плоскопечатная, фирмы «Кениг-Бауэр» и ручная картоноубилка из этого же числа до сих пор эксплуатируются в Ульяновском гвардейском суворовском училище. Сто годов безотказной работы!..

В типографии трудилось 73 человека, в их числе 37 наборщиков, собиравших из свинцовых литер набор будущей книги, газеты, а чаще всего «шапку» официального бланка,

три корректора, «подбиривших» за наборщиками огрехи, 12 печатников и пара вертельщиков, силой мускулов приводивших в движение так называемые «ручные печатные машины». Впрочем, уже в 1906 году, двумя годами раньше появления электричества в губернаторском доме, в Губернской типографии был установлен 16-сильный бензиновый двигатель с динамомашинной. Сила тока стала приводить в действие часть оборудования, о чём с неизменной гордостью сообщалось в рекламных «объявах».

Да, казённой Губернской типографии приходилось яростно бороться за заказчика, ведь даже большинство казённых учреждений норовили сдать заказы на бланки и повестки типогра-

фам-частникам, выходило дешевле, а порой и лучше. До революции губернатор лично давал разрешение на открытие частных типографий. Заботясь о казённой пользе, губернские начальники по поводу и без норавли отклонить выдачу разрешений. На прошениях красуются красноречивые резолюции: «Ещё типография. К чему она?», «Опять подрывать губернскую типографию!». В общем, недобросовестная конкуренция в действии!..

Зато наборщик Губернской типографии Константин Виноградов стал в августе 1906 года застрельщиком едва ли не первого в крае профессионального «Союза типографских рабочих г. Симбирска и губернии».

Целями «Союза» декларировались «защита профессиональных интересов типографских рабочих, путём улучшения материального положения и поднятия духовно-нравственного уровня их. Для этого общество организовало кассу взаимопомощи, третейский суд, бюро для подыскания работы, юридическую и медицинскую помощь, устраивает лекции, рефераты; открывает библиотеку, читальню и пр.». Членом «Союза» мог быть каждый типографский рабочий, достигший 16 лет, кроме владельцев,

заведующих и... корректоров, всех больше портивших кровь сознательным наборщикам!..

Среди ветеранов печатного дела в Губернской типографии служил наборщиком мещанин Василий Прокофьевич Павлов. По рапорту заведующего типографией, «наборщик Павлов служит в Типографии с 1872 года; к своим служебным занятиям относится с должным вниманием и аккуратностью, поведения весьма хорошего и спиртных напитков не употребляет».

В 1911 году заведовать Губернской типографией стал 61-летний Александр Иосифович Бутыльников. Он имел более чем 40-летний стаж типографской работы. Большая часть его деятельности была связана с самыми известными типографиями столичного Санкт-Петербурга: Нусвальда, Головина, Траншея, «Новое Время», Товарищества «Общественная Польза», Киришбаума, «Надежда», и прочая, и прочая. За деятельность на ниве полиграфии, в 1901 году А.И. Бутыльников был высочайше пожалован званием потомственного почётного гражданина, награждался золотыми шейными медалями на Станиславской и Владимирской лентах. В августе

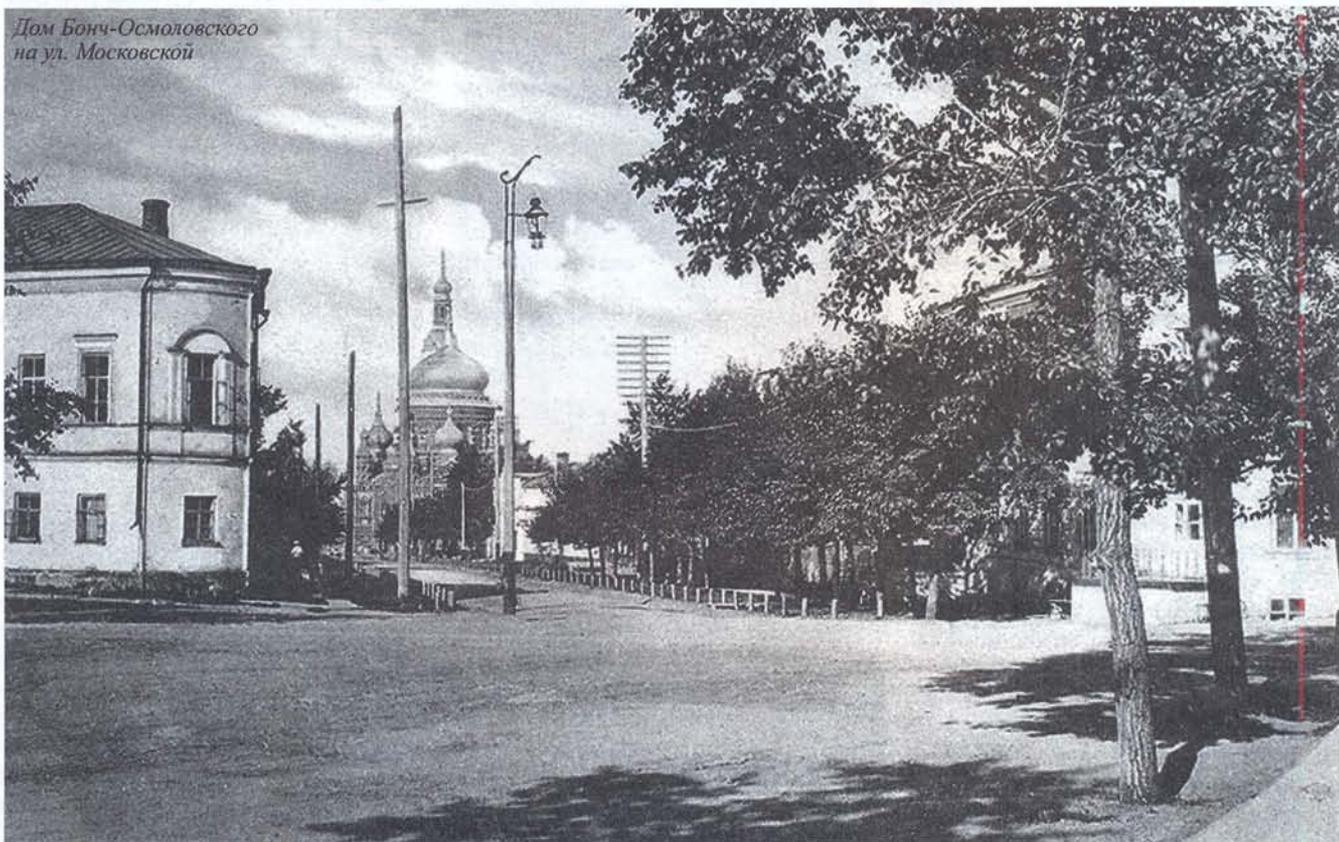
1914 года Александр Иосифович скоропостижно скончался – буквально, накануне экзамена, который мог дать немолодому и заслуженному человеку право на самый низкий чиновный ранг: звание коллежского регистратора. Не вынес А.И. Бутыльников груза обуревавших его волнений.

Гражданин комиссар

Самый последний по нечётной стороне Московской улицы, дом дворянина Бонч-Осмоловского не перенёс масштабных реконструкций Советской эпохи. Память о доме – лишь уголок в правой части старой открытки. В доме в начале прошлого века держала свою типографию продвинутая крестьянка села Барышской Слободы Алатырского уезда Надежда Петровна Сиднева. А ещё здесь квартировал симбирский земский деятель Фёдор Михайлович Головинский.

В марте 1917 года Россия, после веков самодержавия, на несколько месяцев превратилась в демократическую республику. Новая власть неизбежно приводит «новых» людей, собою эту власть олицетворяющих. И у кормила Симбирского края возник 54-летний надворный советник Фёдор Александрович Головинский.

Дом Бонч-Осмоловского
на ул. Московской

Губернский комиссар Временного правительства – так звучала теперь должность, вместо привычных за 210 лет губернаторов. К слову, второму начальнику Симбирской губернии, тайному советнику Александру Васильевичу Толстому, управлявшему в 1797–1799 годах Фёдор Александрович приходился правнуком.

Временное правительство распорядилось передать всю полноту власти на местах Председателям губернских земских управ, «заведовавших делами, относящимися к местным хозяйственным нуждам». Фёдор Александрович служил в Управе Симбирского губернского земства.

И вот, в Симбирске приключилось следующее. Действующий Председатель Николай Фёдорович Беляков незадолго до того отбыл в Петроград искать новой, высокой должности. Один из заместителей Председателя, барон Штемпель, скоропостижно скончался во время опасной командировки в прифронтовые районы в октябре 1916 года. Другой, Михаил Амандович фон-Ренкуль, два месяца спустя очутился в Карамзинской колонии душевнобольных с острым психическим расстройством. Остался один Фёдор Александрович. И вот власть буквально свалилась на его седеющую голову.

6 марта 1917 года господин Головинский принял управление Симбирской губернией от губернатора князя Михаила Черкасского. Он стал первым и последним Губернским комиссаром Временного правительства.

Добрый и весёлый, Фёдор Александрович был известен своим землякам, в первую очередь, привычкой жениться. Первым браком он соединил свою судьбу с арфисткой – так называли не слишком добродетельных девиц, действительно бряцавших на арфах в кафешантанах (хотя и не очень музыкально). В 33 года, в Николаевской церкви Симбирска (где крестили будущего вождя пролетариата Володю Ульянова) господин Головинский обвенчался с 26-летней купеческой девицей Марией Михайловной Андреевой.

Увы, Фёдор Александрович не остепенился! В 1902 году некая девица Гельман родила от господина Головинского незаконного сына Владимира. Чуть позже начался его роман с потомственной дворянкой Ольгой Фёдоровной Белокрысенко.

Она была 13 годами моложе и приходилась внучкой крёстному отцу Володи Ульянова, председателю Симбирской удельной конторы Арсению Фёдоровичу Белокрысенко. У них успело родиться трое детей, прежде чем Фёдор и Ольга сочтались в 1914 году законным браком.

Вот и в должности Губернского комиссара гражданин Головинский вёл себя эдаким свадебным генералом. Он колесил по обеим столицам, участвуя в разных заседаниях, совещаниях, в съезде «по вопросам согласования деятельности новых организаций Центрального района России» в Москве, проходившем в здании Московского градоначальства. Он ходатайствовал за приятелей и знакомцев, норвя пристроить их на вновь открывшиеся вакансии. Он председательствовал в Губернском Комитете по спасению Родины и Революции. А 4 января 1918 года Фёдор Александрович сложил обязанности Губернского комиссара перед новой Советской властью.

Замечательно, что и Советская власть нашла для гражданина комиссара кучу занятий! В июле 1918 года ему поручили привести из Москвы громадную по тем временам сумму, 650 тысяч рублей для Симбирского цементного завода. Пока ехали, Симбирск оказался в руках «белых»...

«От хищения в пути я был обеспечен, – не без юмора писал Фёдор Александрович. – Мне представили особое отделение вагона и дали вооружённую охрану из пяти стрелков-латышей. Латыши берегли меня как зеницу ока... И до Казани по железной дороге я проехал совершенно спокойно.

В Тетюшах, в ночь на 21 июля, были получены сведения, что под Симбирском происходит бой. Пришлось поехать на лошадях к Буинску. В Буинске произошла встреча с бежавшим симбирским «совдепом» с председателем Гимовым во главе. Симбирское «начальство» потребовало от меня внести все бывшие при мне суммы в буинское казначейство. Моих латышей «власти» отпустили, да без денег они мне и не были нужны...

Ночью 23 июля я был арестован. Мне сказали, что арестуют и по распоряжению Гимова должны будто бы доставить меня к нему в Тетюши. Пятьдесят красноармейцев-конвоиров, буинский «совдеп» и я – целый взвод – двинулись к Тетюшам.

Вскоре выяснилось, что симбирский «совдеп» и Гимов из Тетюш, куда мы направлялись, уже бежали, и что в Тетюшах Советской власти уже не существует...

В среде буинских советчиков по поводу моего ареста возникли разногласия. Разногласия, собственно, были не из-за моей персоны, а из-за моих денег, захваченных буинским «совдепом» из казначейства. Отдавать или нет? – вот что было яблоком раздора. Около оставленных Советами Тетюш моя судьба была, наконец, решена: отпустить... Вместе с этим решено было возратить и отнятые у меня суммы. Все до копейки 651.445 руб. были мною получены и находятся теперь в распоряжении завода. До Симбирска я добрался без приключений».

А потом, в ночь на 12 сентября 1918 года, Фёдор Александрович с приключениями или без выбрался из осаждённого «красными» Симбирска.

«Служащих учреждений считать эвакуированными, а не беженцами, и не считать их имеющими право на бесплатную помощь, предоставляя им только возможность приобретения пищевых продуктов и других предметов первой необходимости по сходной цене», – гласила резолюция первого заседания Симбирского земства «в изгнании», проведённого под председательством не павшего духом господина Головинского.

Он очень мечтал вернуться – легкомысленный, но, право, вовсе не плохой человек...

Иван Сивопляс